

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-134>

УДК 81-25

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ДЕФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧЕВОМ КОНФЛИКТЕ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Фразеологизмы в силу их особенностей как единиц языка постоянно привлекают внимание отечественных лингвистов. Несмотря на значительное количество посвященных им исследований, рассмотрение фразеологизмов вряд ли можно считать исчерпывающим. В частности, не прояснен окончательно вопрос о так называемом «фразеологическом новаторстве», то есть как намеренных, так и ошибочных трансформациях фразеологизмов (изменении их состава, буквализации и проч.). Некоторые авторы полагают, что деформация фразеологизма – особый стилистический прием. С другой стороны, в результате изменения словесного состава фразеологизм попросту перестает быть таковым.

Цель статьи – выяснить, в какой степени внешние изменения фразеологизма затрудняют понимание адресатом его семантики и особенно образности.

Материалы и методы. Фактический материал извлечен из некоторых телепередач, где одним из главных исходных условий очевидно является имитация спонтанной речи людей; личная жизнь их подверглась серьезным испытаниям (в соответствии с сюжетами), и, в частности, поэтому реплики участников характеризуются повышенной эмоциональностью. Для придания речи персонажей дополнительной образности в их дискурсе присутствуют фразеологизмы, нередко искаженные.

Основные методы – структурно-семантический, дискурсивный анализ.

В *результате* проведенного анализа с привлечением ряда авторитетных лексикографических источников удалось установить, что возможности деформации фразеологизмов довольно ограничены и не препятствуют их восприятию собеседниками. Этому способствует память носителей языка, запечатлевшая исконный облик фразеологических оборотов и зафиксированные ими образы.

Кроме того, следует учитывать, что при моделируемом характере речевого общения для ряда его участников преобладающим является стремление не столько поделиться сведениями о каких-то событиях и лицах, сколько желание высказать публично свои мнения и оценки по их поводу. Таким образом, коммуникативная ценность фразеологизмов в подобных ситуациях снижается и деформированные фразеологические обороты, точнее, их рудименты оказываются лишь условными сигналами определенных эмоций.

Ключевые слова: *фразеология, фразеологическое новаторство, деформация фразеологизмов, имитация спонтанного речевого общения, разговорное телепредставление, семантика фразеологизма, образность, экспрессивность, словесное выражение эмоций.*

Фразеология удовлетворяет потребности носителей языка в экспрессивности.

А.И. Федоров

Постановка проблемы. Фразеологические обороты (далее – ФО) представляют интерес для изучения во многих аспектах: историческом, этимологическом, источниковедческом, семантическом, национально-ментальном, художественно-изобразительном и др. Несмотря на наличие многих исследований, в том числе ставших классическими (см. труды Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, А.И. Федорова и др.), научное рассмотрение фразеологизмов вряд ли можно считать исчерпывающим, и причины этого в самой их природе.

Особая прочность семантического переплетения компонентов ФО, обеспечивающая их коммуникативную устойчивость, делает возможность точного перевода с одного языка на другой ничтожной – по сравнению даже с попытками адекватного двуязычного перевода отдельных слов, каждое из которых является элементом особой картины мира, национально-ментально окрашенной. Ложным другом переводчика нередко выступает буквализация ФО, в том числе и на быденном уровне общения. Так, студент-азербайджанец объяснил семантику ФО «*знай наших!*» как «давайте познакомимся».

Один из ранних в специальной литературе примеров – некорректной – интерпретации ФО привел Б.А. Ларин в статье 1956 г.: экзаменуемая студентка увидела внутреннюю форму первой части ФО «потемкинская деревня» не в имени собственном «Потемкин», но (предположительно) в «потемках» или в «темной деревне» [Ларин, 1977, с. 146]. Наверное, достаточно опытный преподаватель (и даже не только филолог) может извлечь из своей практики не один подобный пример.

Не менее распространены и искажения состава фразеологизмов, в том числе и в спонтанных речевых актах российских элитариев. Любопытно, что иногда такие феномены однотипны. Ср.: «Мы выполним все пункты от А до Б» (В. Черномырдин) – и: «Руководство спорткомитета делает все, чтобы в этом клубе было все от А до Б» (П. Пимашков) [Васильев, 2008, с. 90].

И буквализация семантики, и деформация лексического состава ФО нередко применяются для создания комического эффекта либо для усиления смысла высказывания. Например: «по этой части он *съел собаку*. – Ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива» [Чехов, 1956, т. 10, с. 503] – или: «Хорошенькая! <...> Черт подери, хлороформу нет! Дал бы ей понюхать, да и *целуй во все лопатки!* Благо все спят...» [Чехов, 1954, т. 1, с. 129].

Иногда ошибочное употребление ФО одним из коммуникантов замечается его более грамотным собеседником и обыгрывается соответствующим образом. Так, в устах В. Жириновского известное выражение «Русские долго запрягают, но быстро едут» (общепринятой версии его происхождения нет) получило форму: «Русские медленно запрягают, но быстро скачут». Эта ошибка здесь же

замечена и исправлена в контексте политических событий В. Третьяковым: «Скачут украинцы, русские едут» (Вечер с Соловьевым. 01.07.21). Игра слов в данном случае возникла в результате многозначности глагола *скакать* – и вследствие отсылки к митинговому аутотренингу национального единения свидомых укров – хоровым выкрикам «кто не скаче, той москаль!», сопровождающим синхронные подпрыгивания патриотов на месте.

Обзор научной литературы. Авторы, пишущие о фразеологизмах, как правило, подчеркивают, что одним из фундаментальных свойств любого ФО является постоянство состава его компонентов (собственно, это основа термина «устойчивое словосочетание»). Поэтому любая трансформация структуры ФО оказывается, по существу, прежде всего попыткой его разрушения – или, по крайней мере, посягательством на статус ФО и фактически переводом его на роль свободного словосочетания. Вместе с тем суждения специалистов о таких явлениях, их причинах и результатах довольно многообразны, хотя зачастую и взаимоподобны (по крайней мере, относительно их использования «мастерами слова», то есть профессиональными творцами литературно-художественных и публицистических текстов во всей их совокупности). Ввиду этого приведем здесь лишь некоторые.

В.М. Мокиенко видел предпосылки к искажениям ФО в недостаточно высоком культурно-образовательном уровне многих речедееателей, а «не зная “глубины” (т.е. истоков. – *А.В.*) <...> выражения, лучше и не касаться его “поверхности”» (т.е. словесного воплощения) [Мокиенко, 1989, с. 190].

Н.М. Шанский особо выделял случаи употребления ФО «в измененном, переформленном или обновленном виде» (как структурно, так и семантически) писателями и публицистами, полагая, что ФО при этом получает новые эстетические и художественные качества и «становится фразеологическим неологизмом» [Шанский, 1972, с. 257].

По мнению же А.И. Федорова, в результате таких писательских экспериментов «фразеологизм перестает быть фразеологизмом <...>. Вместе с тем фразеологизм не превращается в обычную новую метафору, так как на ней сказывается давление фразеологической семантики» [Федоров, 1973, с. 14].

Сегодня исследователи также не оставляют без внимания подобные феномены. Их рассматривают в аспекте газетной языковой игры (как «варианты употребления» ФО) [Зеленов, 2008; Сидоренков, 2014]; в качестве средства повышения эффективности высказывания (как «фразеологические трансформации») [Моклакова, 2009]; средства речевой экспрессии в политическом дискурсе (как «трансформации ФО») [Новоселова, 2019]; в кругу гендерно обусловленных нарушений фразеологических норм [Ермолаева, 2016]; при установлении границ окказиональности фразеологизмов [Третьякова, 2009]; во фразеографических разработках [Исаева, 2012].

Явления фразеологической вариативности, трансформации, неологизации и т.п. изучаются и на иноязычном материале ([Юсупова, Махмудова, 2016; Щербань, 2013; Шахбанова, Алибулатова, Рашидова, 2016; Щербань, 2016]).

Гораздо реже подвергаются лингвистическому рассмотрению подобные факты на примере живой речи современников [Аверьянова, 2019]. Между тем случаи деформации ФО, встречающиеся в повседневном разговорном общении, чрезвычайно интересны.

Материалы и методы. В данной статье источником фактического материала являются тексты некоторых телевизионных программ, как будто содержащих многие черты современной русскоязычной речевой коммуникации, но и, вероятно, в какой-то степени воздействующих на нее. Причем это даже не скудоумные ток-шоу и не безответственные разглагольствования политологов и прочих «экспертов». Мы рассматриваем фрагменты дискурса участников передач, жанровую сущность которых благомыслящему зрителю определить довольно затруднительно. Это разговорно-драматические представления «Давай разведемся!» и «Тест на отцовство», транслируемые каналом «Домашний», который жеманно-кокетливо именуется «самым женским». Примечательно, что здесь нет титров с указаниями фамилий творцов («криэйторов» [Пелевин, 1999, с. 91]) сюжетов и диалогов, режиссеров-постановщиков и участников действия, нет его реальных интерьеров и даже привлекательно-многозначительного оповещения «Основано на реальных событиях». Все эти низкоинтеллектуальные опусы подаются как предельно условные, но при том якобы реалистичные куски действительных коллизий. Вполне возможно, что для зрительниц, не имеющих собственной полноценной личной жизни либо не удовлетворенных ее размеренностью, подобные произведения выступают как более или менее полноценные субституты или вкусовые добавки к своему эмоционально скудному существованию. Такие телепередачи гармонируют с воплощениями недомыслия и пошлости вроде «Пусть говорят», «На самом деле» и проч. Заметим, кстати, что подобные «треп-шоу» (Ю. Поляков) нередко производят задуманный эффект и впечатляют даже житейски мудрых и опытных людей (см. [Поляков, 2006, с. 677]).

Впрочем, лингвистически действительно интересна дискурсивная составляющая этих будто бы просветительских (или морализаторских?) телепрограмм, поскольку их производители очевидно пытаются имитировать речевые акты коммуникантов различных культурно-образовательных уровней, к тому же находящихся будто бы в состоянии эмоционального возбуждения. А последнее зачастую в реальном спонтанном общении делает довольно частыми оговорки и иные речевые ошибки, в том числе связанные с употреблением фразеологизмов.

Допустимо, что «трансформация фразеологических единиц вызывается определенными причинами, подчинена известным закономерностям и потому вполне объяснима» [Бабкин, 1970, с. 32]. Гораздо более дискуссионным представляется следующее положение: «Частные случаи проявления оплошности со стороны говорящего или пишущего могут во внимание не приниматься» [Там же]. Понятно, что именно совокупности «частных случаев» позволяют говорить о гипотетических причинах трансформации ФО.

Одна из известных классификаций вариантов последнего явления [Голуб, Стародубец, 2018, с. 168–177] (где, впрочем, смешиваются характеристики семантические – и структурно-композиционные) дифференцирует их основные группы в зависимости от авторства, то есть творческие находки профессиональных литераторов (к тому же именно «талантливых» [Голуб, Стародубец, 2018, с. 168]) – и продукты дискурсивной деятельности всех прочих носителей языка (а это уже «речевые ошибки» [Там же, с. 172]). Такой подход вполне согласуется с вышеприведенной позицией Н.М. Шанского, именовавшего плоды писательских поисков в этой области «фразеологическими неологизмами» [Шанский, 1972, с. 257]. По-видимому, подобие четкой рубрикации превращений фразеологизмов может быть проведено предельно обобщенно: 1) преднамеренная деформация (находка «мастера слова») и 2) непреднамеренная деформация (речевые ошибки широких масс). Небезынтересно, между прочим, что обе эти разновидности считают возможным объединить под общим именованием «Приемы фразеологического новаторства» [Голуб, Стародубец, 2018, с. 168; и др.].

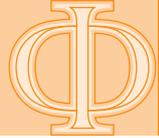
Конечно, без какой-либо классификации ошибок (приемов «новаторства») при употреблении фразеологизмов обойтись невозможно и с методической, и с методологической точки зрения. Кроме того, любой фактический материал нуждается в рубрикации, в том числе и для удобства его упорядоченного анализа.

Поэтому рассматриваемые здесь деформированные фразеологизмы сгруппированы прежде всего по степени семантической слитности компонентов их исходных оригиналов: используется классическая квалификация разновидностей ФО В.В. Виноградова ([Виноградов, 1977] (ст. 1947 г., дополненная Н.М. Шанским) [Шанский, 1972, с. 203–205]).

Предварительные наблюдения показывают, что диапазон искажения внешнего облика ФО в избранном материале довольно узок: 1) замена компонента (компонентов); 2) расширение состава; 3) усечение состава; 4) контаминация разных фразеологизмов в единое словосочетание.

Каждая из названных модификаций (новаций) в той или иной степени меняет семантику, а следовательно, и образность исходного ФО. Собственно, в качестве главного в ситуациях нарушения (условно – непреднамеренного) выступает даже не один, а комплекс вопросов. Прежде всего: какова мера семантического изменения ФО, позволяющая считать его не просто трансформацией (то есть искажением состава ФО, что естественно влечет за собой и изменение его привычной образности), а некоей новацией (результатом фразеологического новаторства), то есть новым ФО? Действительно ли возникает последний? Насколько деформация ФО препятствует пониманию высказывания адресанта? Какие слова из состава ФО, оставшись неизменными при его искажении, можно рассматривать в качестве сигналов его первоначального статуса?

Цель исследования – выяснить, в какой степени внешние изменения фразеологизма затрудняют понимание адресатом его семантики и особенно – образности.

Результаты исследования

Фразеологические сращения. Ошибки в семантике. 1) «Она по-прежнему шла на попятный» (т.е. не соглашалась) ← «идти на попятный» – прост. ‘отступать от своего решения, соглашаясь с кем в чем-либо’ [ФСРЛЯ, 1, с. 275];

2) «Ты столько лет смотрел на это <измены жены> сквозь пальцы, спустя рукава!» ← «спустя рукава» – ‘небрежно, без усердия, не стараясь, кое-как’ [БФСРЯ, с. 654];

3) «Я никакого зазрения совести не испытывал!» ← ср.: «без зазрения совести» – ‘не испытывая чувства стыда; без стеснения’ [ФСРЯ, с. 164]; по-видимому, вместо «угрызения совести».

Замены форм слов и компонентов. «У меня кожа дыбом поднялась!» ← «волосы становятся дыбом» – ‘кого-либо охватывает ужас’ [ФСРЯ, с. 77].

«Да их кондрашка схватит!» ← «кондрашка хватил» – прост. ‘кто-либо внезапно разбит параличом; кто-либо скоропостижно умер, скончался’ [ФСРЯ, с. 203].

«Хочет их обвести вокруг пальцев» ← «обвести вокруг пальца» – ‘ловко, хитро обманывать’ [ФСРЯ, с. 289].

Очевидно, что наиболее затрудняющим восприятие смысла высказывания оказывается введение в ткань фразеологизма слов, семантики которых говорящий не понимает даже приблизительно. И хотя в составе фразеологических сращений присутствие таких слов (архаизмов и проч.) предопределено самой природой фразеологизмов этого разряда, адресант считает допустимым замену одного непонятого ему слова на другое, столь же непонятое. Парадоксально, но такие слова способны выступать как опорные для распознавания бывшего ФО.

Фразеологические единства. Замена компонента. «Он под ее дудку танцует» ← «плясать под дудку» чью – ‘поступать, вести себя так, как угодно кому-либо, безоговорочно во всем подчиняться кому-либо’ [ФСРЯ, с. 325].

«Хотят греть всех под одну гребенку» ← «стричь <всех> под одну гребенку» – ‘уравнивать кого-либо с кем-либо в каком-либо отношении, не считаясь с различиями’ [ФСРЯ, с. 461].

«Матери моей струя какая-то под хвост попала» ← «вожжа [шлея] под хвост попала» кому – прост. ‘кто-либо находится в резко выраженном неуравновешенном состоянии, проявляя взбалмошность, самодурство и т.п.’ [ФСРЯ, с. 74].

«У меня язык не поднимается назвать его другом» ← «язык не поворачивается» у кого – ‘кто-либо не решается, боится, стесняется (сказать, спросить и т.д.)’ [ФСРЯ, с. 540].

«Она кашу заварит, а остальные разгребай» ← 1) «заваривать кашу» – ‘затевать сложное, хлопотное или неприятное дело’ [ФСРЯ, с. 160]; 2) «расхлебывать кашу» – ‘распутывать сложное, хлопотное или неприятное дело’ [ФСРЯ, с. 387].

«Она пригрела змею на своей шее» ← «отогреть змею на груди» – ‘проявлять внимание, заботу, любовь и т.п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью’ [ФСРЯ, с. 305].

«Сама ему на шею накинулась» ← «повеситься на шею» кому – 1) ‘приставать с ласками, нежностями и т.п.’; 2) ‘навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви’ [ФСРЯ, с. 63].

«Не позволю ей на твоей шее висеть!» ← «сидеть на шее» чьей – ‘быть на содержании, иждивении, попечении, обременяя кого-либо’ [ФСРЯ, с. 423].

«Это она на первый вид белая и пушистая!» ← 1) «на первый взгляд» – ‘по первому впечатлению’ [ФСРЯ, с. 64].

«Она ко мне клинья подкатывала» ← 1) «подбивать клинья» – прост. экспрес. ‘неумело, грубо ухаживать за женщиной’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 101]; 2) «подкатиться» – прост. ‘выбрав удачный момент, обратиться к кому-л. с просьбой, с домогательствами’ [МАС₂, т. III, с. 190].

«Он начал между нами штыки вбивать» ← «вбивать клин» между кем – ‘разобщать кого-либо, делать чуждыми, враждебными друг другу’ [ФСРЯ, с. 56].

«Между ними черная кошка перебежала» ← «черная кошка пробежала» – ‘произошла ссора, размолвка между кем-либо; кто-либо с кем-либо поссорился’ [ФСРЯ, с. 210].

«Она нос постоянно ворочала» ← «воротить нос» – 1) ‘отворачиваться’; 2) ‘относиться с презрением, пренебрежением к кому-либо или к чему-либо’; 3) ‘с пренебрежением отказываться’ [ФСРЯ, с. 79].

«Если кто-то выхватит у нее из-под носа победу, она готова щелкнуть по этому носу» ← 1) «выхватывать из-под носа» что – прост. неодобр. ‘беззастенчиво перехватывать, отбивать у кого-либо что-либо’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 129]; 2) «щелкать по носу» кого – разг. ирон. ‘проучивать, наказывать кого-либо’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 388].

«Она придиралась, вставляла камни в колеса» ← «вставлять палки к колесам» кому – ‘намеренно мешать в каком-либо деле, в осуществлении чего-либо’ [ФСРЯ, с. 85].

«Она тебя [мужчину] завлекала, покрутила перед тобой носом – и все!» ← 1) «крутить носом» – ‘выражать неудовольствие или пренебрежение; отказываться, упираться’ [ФСРЯ, с. 218]; 2) «крутить хвостом» – прост. пренебр. 1) ‘хитрить, лукавить’; 2) ‘флиртовать, кокетничать с кем-либо’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 333].

«Не мне одной волочь лямку!» ← «тянуть лямку» – ‘заниматься тяжелым, неприятным, чаще однообразным делом’ [ФСРЯ, с. 486].

Эллипсисы. «Он руку часто поднимал» ← «поднимать руку» на кого – 1) ‘замахиваться на кого-либо, пытаться ударить, бить кого-либо’ [ФСРЯ, с. 331].

«Я из избы не выносила» ← «выносить сор из избы» – 1) ‘разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми’; 2) ‘разглашать где-либо или кому-либо то, что касается узкого круга лиц и чего не должны знать другие’ [ФСРЯ, с. 95].

Приведенные примеры замен частей фразеологических единств синонимичными или даже созвучными словами показывают, что такие деформации не наносят существенный ущерб процессу понимания смысла высказываний. Более того: именно такие лексемы выступают в роли опорных, отсылающих к инварианту. Их лексико-грамматическая принадлежность разнообразна.

Фразеологические сочетания. Контаминации. «Время брать себя в жесткие рукавицы» ← 1) «брать в руки» – ‘подчинять себе, заставлять повиноваться’ [ФСРЯ, с. 44]; 2) «держаться в руках» – ‘сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле; сохранять самообладание’ [ФСРЯ, с. 137]; 3) «держаться в ежовых рукавицах» кого – ‘в большой строгости у кого-либо (быть, находиться)’ тж «брать в ежовые рукавицы» [ФСРЯ, с. 396–397].

«Она решила ему запудрить глаза» ← 1) «запудривать мозги» – прост. экспр. ‘сбивать с толку, запутывать кого’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 253]; 2) «отводить глаза» кому – разг. ‘отвлекать внимание чем-либо, чтобы ввести в заблуждение, обмануть’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 62].

«Бросаешь мне пыль в глаза своими словами» ← «пускать пыль в глаза» – разг. ирон. ‘создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, пытаюсь представить себя, свое положение значительно лучше, чем оно есть в действительности, на самом деле’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 168].

Деформации компонентного состава фразеологических сочетаний в сущности не меняют их семантику сколько-нибудь заметно. Как и в вышеприведенных случаях, точность выбора одного из произвольных компонентов ФО не является решающим условием коммуникативной удачи: привычное место в нем заполнено словом, близким по смыслу и протяженности.

Фразеологические выражения. Изменения состава. «В тихом омуте все черти водятся» ← «в тихом омуте черти водятся» – ‘тихий, скрытный человек способен на поступки, которых от него, казалось бы, нельзя ожидать’ [СРПШ, с. 70].

«Болезни как с рукой сняло» ← «как рукой сняло» – ‘устраняет, сводит на нет очень быстро и сразу, как будто и не было’ [БФСРЯ, с. 314]; ‘сразу, совершенно, бесследно прошло’ [ФСРЯ, с. 442].

«Врешь!» – «Нет, это чистая вода!» ← «чистой воды» – ‘самый настоящий, истинный, доподлинный’ [ФСРЯ, с. 74]; ср.: *«чистая правда», где *чистая* – перен. ‘не заключающая в себе лжи и обмана’ [МАС₂, т. IV, с. 681].

«Она влюблена, как б е ш е н а я кошка» ← ср.: «как угорелая кошка» – ‘в иступлении, бессмысленно (бегать, метаться и т. п.)’; также см.: «Она <...> любит меня <...>, как кошка» [Чехов, 1954, т. 1, с. 308]. – «С и л а кошачьей любви вошла в поговорку, но, держу пари на что хотите, ни одна кошка не любила своего кота, как любила меня эта крошечная женщина» [Чехов, 1955, т. 3, с. 310].

«У меня в с я чаша терпения переполнилась». «Это переполнило ваше терпение». «Теперь капля переполнена» ← «переполнилась чаша терпения» – ‘нет никакой возможности выносить, терпеть что-либо’ [ФСРЯ, с. 517]; ср. также: «до <последней> капли» – 1) ‘без остатка, до дна (выпить, осушить и т.п.)’; 2) ‘все целиком (рассказать, изучить, растратить и т.п.)’ [ФСРЯ, с. 194] – и: «последняя капля» – разг. экспр. ‘факт, какое-либо событие в числе других, ставшие причиной ссоры, открытой вражды и т.п.’ [ФСРЛЯ, т. 1, с. 292]; ср.: «она <любовница> стала последней каплей».

«Устами ребенка гласит истина». «Устами младенца говорит истина» ← возможно: «Иисус же говорит им: да разве вы никогда не читали: “Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?”» (Матф. 21: 16) → «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя» (Пс. 8: 3); ср. также: «Да ведь король голый! – сказал вдруг какой-то ребенок. “Господи боже, послушайте-ка, что говорит невинный младенец!” – сказал его отец. И все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка» [Андерсен, 1982, с. 288].

«Кто-то посеял ветер – пожимайте теперь бурю» ← «Так как они [израильяне] сеяли ветер, то и пожнут бурю: хлеба на корню не будет у него, зерно не даст муки, а если и даст, то чужие проглотят ее» (Ос. 8: 7).

«Пока гром не грянет, н и к т о не перекрестится» ← «гром не грянет, мужик не перекрестится» – ‘беспечный человек не сделает необходимого заранее, прежде, чем его вынудят к этому обстоятельства’ [СРПП, с. 113].

«А она орет во всю ю п и т е р с к у ю!» ← «во всю ивановскую» – 1) ‘очень громко (кричать, храпеть и т.п.)’ [ФСРЯ, с. 177] – от выражений «звонить во всю Ивановскую» – во все колокола «колокольни в московском Кремле» и «кричать во всю Ивановскую» – от названия Ивановской площади в Кремле, где в старину оглашались царские указы» [Там же] – т.е. местá масштабных, незаурядных событий. Возможно, замена «ивановскую» на «юпитерскую» не вполне осознанно продиктована тем, что Юпитер – крупнейшая из планет Солнечной системы.

«Она вертится, как змея на сковородке» ← ср.: «извиваться ужом [змеей]» – ‘изворачиваться, ловчиться, хитрить’ [ФСРЯ, с. 183].

Конечно, здесь представлены примеры прежде всего заурядного неряшества речи. Произведенные коммуникантами изменения не меняют общей семантики выражений радикально, хотя ФО все-таки деформирован.

Фразеологические выражения. Изменения и контаминации. «Я просто хотела все точки расставить» (ср.: «Мы должны расставить точки» (П. Пимашков. Мужское и женское. 1 к. 03.21)). «Пришло уже время расставить свои точки над и» ← «ставить точки над и» – ‘окончательно выяснять, уточнять все подробности, не оставлять ничего недосказанным; доводить что-либо до логического конца’ [ФСРЯ, с. 452].

«Отвернитесь от камня раздора!» ← ср.: «яблоко раздора» между кем, между чем – книжн. ‘повод, причина ссоры, споров, серьезных разногласий’ [ФСРЯ, с. 539] – и «камень преткновения» – книжн. ‘помеха, затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо деле, занятии и т.п.’ [ФСРЯ, с. 192].

«Это игра одного актера!» ← «театр одного актера» [ССЦ, с. 634].

«...Чтобы поставить крест на этой комедии» ← ср.: «поставить крест» – ‘окончательно разуверившись в чем-либо, отказаться от чего-либо, перестать думать о чем-либо, надеяться на что-либо’ [ФСРЯ, с. 347] – и «ломать комедию» – ‘притворяться перед кем-либо, лицемерить’ [ФСРЯ, с. 232].

Возможность деформаций фразеологических выражений обеспечивается их фоновой афористичностью и распространенностью, настойчиво отсылающими к первичному образу.

Фразеологические выражения. Метатезы. 1) «Ниже воды, тише травы» ← «тише воды, ниже травы» – 1) ‘робкий, скромный, незаметный’; 2) ‘робко, скромно, незаметно’ [ФСРЯ, с. 476];

2) «Она уже не сама своя!» ← «сам не свой» – ‘расстроен, потерял душевное равновесие’ [ФСРЯ, с. 406]; ‘потерял душевное равновесие, расстроен, взволнован’ [ФСРЛЯ, т. 2, с. 213];

3) «Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме» ← «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» [СРПП, с. 507];

4) «И с милым рай в шалаше» ← «с милым рай и в шалаше» [СРПП, с. 389];

5) «Бес в ребро – седина в бороду» ← «седина в бороду, а бес в ребро» – ‘о пожилом мужчине, который начинает интересоваться женщинами’ [СРПП, с. 407].

Можно наблюдать, как в этом ряду примеров имеет место семантическая градация: от почти безвредной перестановки компонентов (1, 2) и перемещения смысловых акцентов (3, 4) – до совершенного разрушения причинно-следственных связей.

Следует отметить также частные случаи деформации несомненно устойчивых словосочетаний (при этом далеко не всегда включаемых в число фразеологизмов). Это происходит обычно вследствие частичного изменения состава словосочетания или порядка расположения его компонентов.

Например: «пока суть да дело» ← «пока суд да дело» – ‘пока происходит, делается, совершается и т.п. что-либо’ [ФСРЯ, с. 463]; «руки в ноги» ← «ноги в руки» (в обоих случаях происходит совершенная десемантизация). Или: «Лера <влюбленная> сверлила Кешу» (ср.: «сверлить взглядом»); «весь флер тянется не случайно» (ср.: «тянется шлейф»); «вроде бы она взялась за голову» (ср.: «взяться за ум» ← ‘становиться благоразумнее, рассудительнее; образумливаться’ [ФСРЯ, с. 48] – и «схватиться за голову» – ‘приходить в ужас, в отчаяние’ [ФСРЯ, с. 504]).

Последнее речение можно считать также и примером контаминации двух словосочетаний – такие операции довольно известны. См.: «стал колоть, откуда дрова-то растут»: ср.: «откуда ноги растут» – и «откуда дровишки?»), или: «ее всегда гложет жаба, что нет богатого мужа»: ср.: «гложет зависть» – и «душит жаба».

Нередко деформация устойчивого словосочетания обнаруживает совершенное непонимание адресантом его семантики. Например: («истец»:) «и я не пошел направо». – («судья»:) «так налево, когда от жены». – («истец»:) «ну, я налево не ходил и не знаю, как называется».

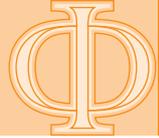
По-видимому, «фразеологическое новаторство» – это прежде всего трансформация внешнего (словесного) облика ФО, влекущая за собой (или синхронно обеспечивающая) искажение его традиционной образности. При этом отнюдь не возникает новый ФО, а лишь некое словосочетание-отсылка к известному фразеологизму, смысловые рудименты которого проявляются, будучи хорошо знакомыми в каноническом виде широкому кругу носителей данного языка.

Справедливо, что «в результате таких [писательских] преобразований фразеологизм перестает быть фразеологизмом: он теряет постоянство компонентов и постоянство лексической среды (обязательного окружения), в которой реализовалась его семантика. Вместе с тем фразеологизм не превращается в обычную новую метафору, так как на ней сказывается давление фразеологической семантики» [Федоров, 1973, с. 14].

Заключение. Что же касается конкретных вышеприведенных трансформаций фразеологизмов, то при дифференциации их по разрядам получается следующая картина.

В сращениях неразличение незнакомых адресанту слов оказывается причиной деформации, что, однако, оказывается несущественным для понимания адресатом общего смысла высказывания, преимущественно его оценочности. При трансформации единств замена компонента (иногда созвучным либо синонимичным эталонному словом) либо его пропуск тоже не исключают восприятия оценочной окрашенности реплики, основанного на некоем семантическом фоне стандартного ФО. В пределах сочетаний особенно часты контаминации, но, как правило, наличие слова со связанным употреблением выступает указателем на общезыковую семантику ФО. Относительно выражений можно сказать, что искажение состава, вызванное речевым неряшеством адресанта, не сказывается радикально на восприятии его высказывания. Здесь также довольно частотны контаминации. Однако наиболее заметно выражения становятся деформированными вследствие метатез, значительно смещающих смысловые акценты – вплоть до возможности совершенного переосмысления деформированного ФО, собственно, как и в других вышеприведенных случаях, переставшего быть таковым. Опять же: налицо попытка сохранить оценочный заряд фразеологизма – прототипа.

Но есть и еще одно обстоятельство – вероятно, важнейшее в коммуникативном отношении. За деформированным ФО стоит образность его исходного инварианта, хранящаяся в памяти носителей языка. В искусственно напряженных диалогах, смоделированных применительно к изображаемым в телепередачах ситуациям, главной целью говорящих оказывается нередко не столько потребность сделать известными какие-то факты интимной жизни, сколько стремление выразить свои эмоции по этим острым поводам. Поэтому адресант зачастую и не соблюдает точность в использовании ФО: это вовсе не главное для него. Собственно, некий звуковой комплекс (деформированный ФО) выступает в роли, близкой, как ни парадоксально, к роли междометия. Он призван лишь передать экспрессию говорящего по тому или иному поводу. В свою очередь, и адресат настроен преимущественно не на сотрудничество с адресантом по поводу объективного выяснения причин и следствий каких-то событий, но на их эмоциональную оценку. Ее словесным сигналом и является деформированный ФО, первоначальная семантика которого, по существу, выпадает из поля зрения

речедееателей; вместо нее фигурирует лишь рудимент образности, используемый как доказательство чьей-то правоты в конфликте. Собственно говоря, примерно то же самое происходит при восприятии слушателем слов родного языка, звуковой облик которых искажен адресантом (дефекты речи, иноязычный акцент, особенности артикуляции и др.).

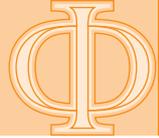
Библиографический список

1. Аверьянова Н.А. Фразеологизмы в речи студентов технического вуза // Преподаватель. XXI век. 2019. № 1. С. 206–211.
2. Андерсен Г.-Х. Новый наряд короля // Литературные сказки зарубежных писателей. М., 1982. С. 285–288.
3. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1986. 768 с. (КС).
4. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970. 264 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. 748 с. (БФСРЯ).
6. Васильев А.Д. Авторское употребление фразеологического единства / свободного словосочетания как интертекстуальный прием // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2021. № 4 (58). С. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-58-4-30>
7. Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008. 176 с.
8. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
9. Голуб И.Б., Стародубец С.Н. Стилистика русского языка и культура речи. М., 2018. 455 с.
10. Душенко К. Словарь современных цитат. М., 2006. 832 с. (ССЦ).
11. Ермолаева М.В. Нарушения фразеологических норм в речевом произведении гендера // Вестник ЮУрГУ. 2016. Т. 13, № 2. С. 55–59.
12. Зеленов А.Н. Фразеологизм-заголовок газетного текста в аспекте языковой игры // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 63–66.
13. Исаева Н.Ш. Современная фразеография: проблемы и перспективы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 254–256.
14. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125–149.
15. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Киев, 1989. 221 с.
16. Моклакова А.Ю. Смысловое преобразование фразеологических единиц русского языка с компонентом числительным в системе речи // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 162–165.
17. Новоселова В.А. Трансформация фразеологических оборотов как средство речевой экспрессии в политическом дискурсе // Ученые записки Петрозаводского госуд. университета. 2019. № 5 (182). С. 61–69.
18. Пелевин В.О. Generation «П». М., 1999. 304 с.
19. Поляков Ю.М. Геометрия любви // Поляков Ю.М. Треугольная жизнь. М., 2006. С. 669–681.
20. Сидоренков В.А. Фразеологизм-заголовок газетного текста в аспекте языковой игры // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 235–237.
21. Словарь русских пословиц и поговорок / сост. В.П. Жуков. М., 1966. 535 с. (СРПП).
22. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984 (МАС₂).
23. Третьякова И.Ю. К проблеме границ окказиональности фразеологизмов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 134–138.

24. Федоров А.И. Русская фразеология и ее изучение по источникам: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1973. 32 с.
25. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Новосибирск, 1995 (ФСРЛЯ).
26. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 1987. 543 с. (ФСРЯ).
27. Чехов А.П. В вагоне // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 1. С. 125–130.
28. Чехов А.П. Записные книжки // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1956. Т. 10. С. 413–540.
29. Чехов А.П. Мои жены // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1955. Т. 3. С. 308–315.
30. Чехов А.П. Пропавшее дело // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. М., 1954. Т. 1. С. 308–312.
31. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Изд. 2-е. М., 1972. 368 с.
32. Шахбанова П.Б., Алибулатова Н.Э., Рашидова А.Д. К вопросу о методической классификации фразеологических единиц // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 104–109.
33. Щербаков К.Ю. Эмоции через призму фразеологизмов // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54), т. 2. С. 209–213.
34. Щербань О.В. Буквализация как источник семантического развития английских фразеологизмов // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 13 (752). С. 152–163.
35. Юсупова М.А., Махмудова М.А. Стилистика фразеологических единиц в английском и русском языках // Ученые записки Худжандского государственного университета. 2016. № 1 (46). С. 101–104.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-134>

COMMUNICATION FUNCTION OF DEFORMED IDIOMS IN SPEECH CONFLICT

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Idioms, due to their special features as units of language, constantly attract the attention of Russian linguists. Despite a significant number of studies devoted to them, idioms can hardly be considered to be studied comprehensively. In particular, clarifications are needed for the so-called “idiomatic innovation,” that is, both intentional and erroneous transformations of idioms (changes in composition, literalization, etc.). Some authors believe that deformation of an idiom is a special stylistic device. On the other hand, as a result of a change in verbal composition, an idiom simply ceases to be so.

The purpose of the article is to examine the extent to which external changes in idioms make it difficult for the addressee to understand its semantics and especially imagery.

Materials and methods. The actual material is extracted from some television shows, where one of the main baselines is obviously simulating a spontaneous speech of people; their personal life has been seriously tested (in accordance with the plots), and, therefore, the speech of the participants is characterized by increased emotionality. To provide the characters’ speech with additional imagery, idioms, though often distorted, are present in their discourse. The main method of our research is structural and semantic.

As a *result* of the analysis, involving a number of authoritative lexicographic sources, it was possible to establish that the possibilities of deformation of idioms are quite limited and do not interfere with their perception by interlocutors. This is facilitated by the memory of native speakers, who have captured the original structure of idioms and the images encapsulated by them.

In addition, it should be borne in mind that in the modelled nature of speech communication, some of its participants wish not so much to share information about some events and individuals as to express publicly their opinions and assessments about them. Thus, the communicative value of idioms in such situations is reduced, and deformed idiomatic expressions, more precisely, their rudiments turn out to be only conditional signals of certain emotions.

Keywords: *phraseology, phraseological innovation, deformation of idioms, imitation of spontaneous speech communication, conversational tele-performance, semantics of idioms, imagery, expressiveness, verbal expression of emotions.*

References

1. Averyanova N.A. Phraseological units in the speech of students of a technical university // *Teacher. XXI century.* 2019. No. 1. P. 206–211.
2. Andersen G.-H. The new attire of the king // *Literary tales of foreign writers.* Moscow, 1982. P. 285–288.
3. Ashukin N.S., Ashukina M.G. *Winged words. Literary quotations. Figurative expressions.* Moscow, 1986. 768 p. (KS).
4. Babkin A.M. *Russian phraseology, its development and sources.* Leningrad, 1970. 264 p.
5. *A large phraseological dictionary of the Russian language.* Ed. V.N. Telia. Moscow, 2006. 748 p. (BFSRYA).
6. Vasilyev A.D. The author's use of phraseological unity / free word combinations as an intertextual technique // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev.* 2021. No. 4 (58). P. 78–84. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-58-4-305>
7. Vasilyev A.D. *Russian language policy 1991–2005.* Krasnoyarsk, 2008. 176 p.
8. Vinogradov V.V. About the main types of phraseological units in the Russian language // *Vinogradov V.V. Selected works. Lexicology and Lexicography.* Moscow, 1977. P. 140–161.

9. Golub I.B., Starodubets S.N. Stylistics of the Russian language and culture of speech. Moscow, 2018. 455 p.
10. Dushenko K. Dictionary of Modern Quotations. Moscow, 2006. 832 p. (SSC).
11. Ermolaeva M.V. Violations of phraseological norms in the speech work of gender // Bulletin of SUSU. Vol. 13, No. 2. 2016. P. 55–59.
12. Zelenov A.N. Phraseologism-the title of a newspaper text in the aspect of language play // Bulletin of the Novgorod State. university. 2008. No. 49. P. 63–66.
13. Isaeva N.S. Modern phraseography: problems and prospects // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. 2012. No. 1. P. 254–256.
14. Larin B.A. Essays on phraseology // Larin B.A. History of the Russian language and general linguistics. Moscow, 1977. P. 125–149.
15. Mokienko V.M. Into the depths of proverbs. Kiev, 1989. 221 p.
16. Moklakova A.Yu. Semantic transformation of phraseological units of the Russian language with a numeral component in the speech system // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. 2009. No. 4. P. 162–165.
17. Novoselova V.A. Transformation of phraseological turns as a means of speech expression in political discourse // Uch. zap. Petrozavodsk state. University. No. 5 (182). 2019. P. 61–69.
18. Pelevin V.O. Generation “P”. Moscow, 1999. 304 p.
19. Polyakov Yu.M. Geometry of love // Polyakov Yu.M. Triangular life. Moscow, 2006. P. 669–681.
20. Sidorenkov V.A. Phraseologism-the title of a newspaper text in the aspect of a language game // Bulletin of the Novgorod State. university. 2014. No. 77. P. 235–237.
21. Dictionary of Russian proverbs and sayings. Comp. V.P. Zhukov. Moscow, 1966. 535 p. (SRPP).
22. Dictionary of the Russian language. In 4 vol. Edited by A.P. Evgenieva. Moscow, 1981–1984 (MAS₂).
23. Tretyakova I.Yu. To the problem of the boundaries of the occasionality of phraseological units // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. 2009. No. 2. P. 134–138.
24. Fedorov A.I. Russian phraseology and its study by sources. Autoref. ... doct. philol. N. Leningrad, 1973. 32 p.
25. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 vols. Novosibirsk, 1995 (FSRL).
26. Phraseological dictionary of the Russian language / Ed. by A.I. Molotkov. Moscow, 1987. 543 p. (FSRYA).
27. Chekhov A.P. In the carriage // Chekhov A.P. Sobr. op. In 12 vol. Moscow, 1954. Vol. 1. P. 125–130.
28. Chekhov A.P. Notebooks // Chekhov A.P. Sobr. op. In 12 vol. Moscow, 1956. Vol. 10. P. 413–540.
29. Chekhov A.P. My wives // Chekhov A.P. Sobr. op. In 12 vol. Moscow, 1955. Vol. 3. P. 308–315.
30. Chekhov A.P. The lost cause // Chekhov A.P. Sobr. op. In 12 vol. Moscow, 1954. Vol. 1. P. 308–312.
31. Shansky N.M. Lexicology of the modern Russian language. Ed. 2. Moscow, 1972. 368 p.
32. Shakhbanova P.B., Alibulatova N.E., Rashidova A.D. On the issue of methodological classification of phraseological units // Bulletin of the Chelyabinsk State. Pedagogical University. 2016. No. 2. P. 104–109.
33. Shcherbakov K.Yu. Emotions through the prism of phraseological units // Bulletin of KemSU. 2013. No. 2 (54), vol. 2. P. 209–213.
34. Shcherban O.V. Literalization as a source of semantic development of English phraseological units // Vestnik MGLU. 2016. Is. 13 (752). P. 152–163.
35. Yusupova M.A., Makhmudova M.A. Stylistics of phraseological units in English and Russian languages // Uch. zap. Khujand state. University. 2016. No. 1 (46). P. 101–104.

About the author

Vasilyev Aleksandr Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical university of V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru